

Алексей Гедзевич.
Родился в г. Орске Оренбургской области. Учился в Иркутском государственном университете, Иркутском политехническом институте, Московском литературном институте. Metallurg.
Автор книги «Псевдогеометрия».

Алексей Гедзевич
г. Иркутск

к ЛАО-ЦЫ

1

Взойдет трава у крепостной стены.
День желтых бабочек.
Здесь тень, здесь ров заилен,
Оплетены змеиными извилами
Вьюнков изъязвленные валуны.

Разграбленные древние могилы
Пришельцев из степной страны.

Свинец истек с раскрошенных бойниц
И сцежен в пыль слепыми муравьями,
Плющ съел проплешин безымянный камень,
Когда-то брошенный на прах убийц.

Отхлынул вал визжащих псов пустынь
В полынь.
И дети стен ушли отсюда.
Лежит в песке растрескавшийся Будда,
Соединив начала Ян и Инь.

2

В пионы императорского сада
Снег падает.
Молчанья вертикаль
Пронизывает белую печаль
Пруда, кустарников и строгой колоннады.

Вчера был праздник.
А сегодня там,
Где в фейерверках фыркали драконы,
В мохнатые лиловые пионы
Снег оседает церемонно –
Империя вползает в холода.

Империя в снегу.
На дальних башнях
Горят костры продрогших часовых.
Буранный вой чудовищ снеговых
Вгрызается в ее предзимний кашель.

3

В забавах царственен маньчжурский тигр –
Жрец сочных ритуалов, сытой неги,
Мудрец, резвящийся в эклектике –
От рыка ярости до этикета игр.

Когда б не пиршества в костях и черепах,
Он мог бы своим почерком уродливым
Чертить стихов звериных иероглифы
На панцирях придворных черепах.

Ночь – жизнь архива.
В ней дрожит фитиль,
Раскрыта книга формулой бессонной,
Шуршат по шкуре чучела гекконы
И запах зверя – пыль.

4

Искусством изощренным выгнут корень.
Укус в труп камня.
Скуп рисунок жил.
Кедр карлик,
Твой художник лжив,
Вживив в горшок акт нарочитой формы.

Капризы вычурных миниатюр.
Природа дрессирована.
Что чудо? –
Изящный никель пыточных орудий,
Плод бесконечных корректур.

5

Трепещущий, прогретый солнцем мир.
В сухой осоке пух его мелодий.
Цветных стрекоз осенних мелководий
По сонной глади старицы пунктир.

Пора устать.
Лес, лист – все желтизна.
Все – воздух, пустотою наполняемый.

Прост путь.
И нет на свете тайны,
Ответ которой ты б уже не знал.

6

Отстраненности жест зеркалами отточенный.
Жизнь,
Ставшая собственных слов соответствием.
Акварель утешения предрассветного –
Путешествие в летописи одиночества.

7

Горсть слов на стол гость ссыпал.
Ночь – дорога
Ему.
Ему тропы в снегу уют.
Мне в тусклой лампе шахматный этюд
Фигур его ночного монолога.

Монах.
Он – дерево, он – камень, он – вода...
Не рассмеется он и не заплачет.
Но, что его премудрые задачи,
Без чьей-либо тщеты их разгадать?

Он знает Бога.
Так же прост и мертв,
Он движется в метелях перевалов...
Мне же бессонницы в затылок жало
И слов его холодный м

8

Сентябрь холодными туманами струится.
И каждый вечер в дымных деревнях

Мне подают похлебку у огня –
Куда бредешь старик?
К границе?

Мой вол ползет вдоль рисовых долин,
Свои бока вминая в чьи-то судьбы.
Я пью беседы глиняных сосудов,
Храня молчанья хрупкий каолин.

Гонцы в погоне.
Во дворцах огонь.
Мчит в факелах за мной молва исхода.
Но звездами ночного небосвода
Свобода жжет уже мою ладонь.

К границе!
Там, где в пыль уходит степь,
Единственный во всей вселенной,
Незнающий про мой исход из плена,
Свирепый стражник мне обрубит цепь.

Здесь слов ясак на стол.
К утру уйти.
Когда ж в край мира врежется погоня,
Пять тысяч иероглифов агонии
Останутся в конце пути.

Вина!
Граничный столб поцеловать,
Растаять в мифе,
В долгой синей дали,
Оставив в мире радости-печали
Свои простые мертвые слова...

Уже понятные ненужные слова...